

УДК 82(091)+82-1:008 (История литературы. Поэзия. Цивилизация. Культура, Прогресс. Культурология в целом. Футурология. Прогнозирование, планирование цивилизации, культуры и прогресса)

«ВЕЛИКИЕ ПЕРСЫ» И ИХ ПОЭТИЧЕСКАЯ МИССИЯ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДОВ Ф.РЮККЕРТА

© 2017 Е.Е.Санюк

Санюк Елена Евгеньевна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики преподавания литературы. E-mail: esanuk@yandex.ru

Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 07.06.2017

Статья дает представление об отношении великих персидских поэтов 12–15 вв. к своему творчеству и к своей поэтической миссии в том виде, в каком их поэзия известна в переводах немецкого романтического поэта Ф.Рюккерта. Персидские поэты восхваляли жизнь, любовь, вино, все царство Божье. Себя они считали творцами, выполняющими миссию, исполняющую волю Господа. Немецкий поэт-романтик Фридрих Рюккерт (1788–1866), стоявший у истоков отечественной ориенталистики, вошел в историю поэзии и науки лингвистики как выдающийся переводчик-персолог, арабист и индолог. Его биография как переводчика начиналась (1817–1822) с персидского языка и с творческого освоения форм и жанров персидской поэзии. Не ограничиваясь поэтическими переложениями из восточных поэтов, Ф.Рюккерт с успехом использовал осваиваемые им ориентальные жанры – газель, рубаи, кыта – и в своей оригинальной лирике. Основу для поэтических переводов и первоначальную известность как поэта-ориенталиста ему дала поэзия семи великих персидских классиков. Представляя немецким читателям своеобразие каждого из любимых им великих персов, Рюккерт стремился передать современникам и представление певцов далекого региона земли и далекого прошлого о своей поэтической роли и культурно-исторической миссии поэта. «Всемирная поэзия – это всемирное примирение», – считал Рюккерт, и цель данной публикации – выявить из переведенной им поэзии то, что составляет общее для поэзии любого народа и всех эпох и что, возможно, составляет специфику труда лишь поэтов персидского региона.

Ключевые слова: поэзия, газель, миссия, восточная, отношение, творчество, Рюккерт, Фирдоуси, Низами, Саади, Руми, Хафиз, Джамин.

Фирдоуси и Низами, Саади и Руми, Хафиз и Джамин – каждый из этих великих авторов прошлого обогатил Рюккерта разными особенностями своих поэтических миров, и этот талантливый немецкий полиглот XIX века, ученый-лингвист и виртуозный переводчик сделал это достоянием своих современников и потомков. Чтобы вести речь о персидской поэзии, на много столетий удаленной от нас во времени, назовем имена поэтов прошлого, давших в совокупных своих трудах представление о могучем взлете персидской поэзии в 11–15 веках. Будучи вводимая в литературный процесс в Германии XIX века, она давала представление еще и о труде, а то и о подвиге поэтов-переводчиков, главным из которых был Фридрих Рюккерт.

Высшим поэтическим достижением персидского Возрождения считаются пять больших поэм великого мастера 12 века Низами («Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Лейла и Меджнун», «Семь красавиц», «Искандер-наме»). Если годом рождения Низами считать, согласно сложившейся традиции, 1141 год, то за 120 лет

до его рождения (около 1020 г.) из жизни ушел первый по времени великий певец персидского героического эпоса – Фирдоуси. Его «Шах-наме» («Книга царей») включала в себя около 60000 стихотворных строк, что в два раза превосходит объем всего, оставленного нам Гомером. После Фирдоуси (иногда его называют Фирдуси) и Низами в 13 веке жили и творили еще два великих перса Саади и Руми. Первый из них – Саади – создал две этико-дидактические поэмы: «Розовый сад» и «Благоухающий сад», о которых переводивший их Ф.Рюккерт напишет:

Im Jahr, als von Mongolenschwerten
ging über Bagdad das Gericht,
schrieb Saadi seine Blumengärten
und sah der Welt Zerstörung nicht [8, с. 129].

«Благоухающий сад» был великолепно переведен Ф.Рюккертом в форме александрийского стиха, обычно использовавшегося для создания немецких баллад. Другой поэт 13 века – Джелалдин Руми, мистическая лирика которого не просто заворожала переводчика, но и вдохнови-

ла его на создание собственного поэтического цикла «Восточные розы» (Östliche Rosen).

В 14 веке творил великий мастер Хафиз из Шираза, в творчестве которого своего наивысшего расцвета достигли газель и персидское четверостишие рубаи. Завершать же эпоху классической персидской поэзии выпало на долю Джами (15 век). В своих оригинальных немецких переложениях Ф.Рюккерт ввел в немецкую поэзию новый для нее жанр газели и в дальнейшем своем поэтическом творчестве («Восточные розы», «Песни мертвым детям» и др.) либо виртуозно переводил стихи прославленных поэтов провинции Шираз, либо писал собственные газели, подражая их образному миру и их необычной для западной поэзии стилистике.

Магия, исходящая от классической персидской поэзии, непосредственно связана с представлениями каждого из названных поэтов о себе как творце, о своем поэтическом ремесле и своем призвании как поэта. Самосознание поэтов всегда значимо определяет характер их творчества. Основной принцип и основная цель-установка персидской поэзии – воспевать красоту Божественного творения. В этом контексте становятся значимы элементы исламской мистики и неоплатонического мышления – мировоззрения, суть которого Руми выразил в своём мистически окрашенном стихотворении, а Рюккерт – в его поэтическом переложении:

Der Schöpfer goß aus himmlischem Pokal
in unsern Staub des Gottesweines Strahl.
Davon sind schön die Locken und die Wangen,
daran des Königs Lippen trunken hangen.
Der schöne Staub, den du so selig küsst,
von Gottes Schönheitsglanz durchdrungen ist.
Kann staubvermischt Sein Glanz uns so entzücken,
wie erst, wenn wir Ihn unverhüllt erblicken? [9, с. 26].

Поэт упивается красотой окружающего его бытия, он влюблен в неё и заклинает её словом, подобно магу. Тем самым Руми, заметим, противопоставляет себя ортодоксальному исламу, который, как все ортодоксальное, с большим подозрением относится к поэзии, а потому поэт нередко подает себя как несносного бунтаря, бродягу и плута, своего рода трикстера, enfant terrible исламского Востока. С другой же стороны, поэт 13 века чувствует себя призванным, иницируемым, вдохновлённым, своего рода пророком, гуру, видящим божественность красоты и потому ее обожающим. Поэт – это всегда певец любви, он воспекает страсть и нежность по отношению к женщине, и не столь уж

важно, в какой форме он это делает. Часто поэты доказывают, что именно любовь заставляет их браться за перо. Так, Рюккерт переводит из Руми:

Die Liebe nahm mir den Rosenkranz
und gab mir Lied und Gedicht.
Wie oft ich schwor und Reue tat,
mein Herz gehorchte mir nicht.
Ghaselensänger der Liebe zu dir,
die Hände schlagend im Tanz,-
die Liebe verbrannte mir Ehre und Scham
und all meine Habe ganz [6, Ghaselle №940].

Или вот другое, схожее же по идее четверостишие-рубаи:

Seit Liebe strahlt an meines Herzens Wand,
ist alles außer Liebe mir verbannt.
Sie nahm mir Buch und Schule und Verstand
und machte mich mit Reim und Lied bekannt
[Ebda: №606].

Здесь можно приводить поистине бесчисленное число примеров в форме газелей и четверостиший о любви, пронизанных исламской мистикой и чувственностью – как восточный вариант более известного на Западе учения неоплатоников. Любовь в них предстает как тайная движущая сила всего и вся – всех творческих процессов:

Durch Liebe sind in Harmonie die Sphären,
die Sterne löschten aus, die ohne Liebe wären [6,
Diwan №2, Ghaselle 14].

Сила любви – самая поэтичная из тем персидской поэзии. Так, еще в 1050 году стал известен эпос «Вис и Рамин» Фахраддина Гургани, в котором этот мотив буквально пронизывает всё повествование. Так, в переложении Ф.Рюккерта:

Salzwüste, Treibsand und Morast,
brüllender Löwe, tödlicher Samum,
wurden den beiden Liebenden zum heiteren Garten
aus Seligkeit, daß sie beisammen waren [1].

Самобытность мысли персидских поэтов, вливающейся в этот общий для всех мотив, заключается в том, что сама поэзия рассматривается как возлюбленная поэта, иногда как дочь, которую он воспитал и теперь наряжает невестой для свадьбы. Так, невестой, «которую я воспитал силами своей души», представляет поэзию Низами (эпос «Хосров и Ширин»), «мыслью-невестой» назовет ее в своем «Розовом саде» и Саади. У Хафиза мотив поэзии-невесты может даже приобретать комически сниженное обрамление, когда поэт сравнивает своё пропавшее было вдохновение со сбежавшей невестой, и

вернуть ему ее может только султан с помощью звонкой монеты.

В одной из своих газелей Хафиз напишет о Божественном упоении и своём любовном сумасшествии. Любящий подобен пьянице, он душевно болен, но таков ведь и поэт. Безумие влюблённого поэта развязывает ему язык, и вскоре он неизбежно встаёт перед выбором: либо возвратиться к здравому смыслу, либо же осознанно стать плутом и пользоваться благами своего ремесла. Хафиз, если верить переводчику, явно отдаёт предпочтение второму пути:

Ich sag es frei heraus: Der Liebe dien ich,
dem Spiel der Blicke und dem Schelmentum,
auf daß du wissest, welche Kunst ich
mir hab erwählt zu Schmuck und Ruhm [3].

Кроме любви, опьяняет и... вино. Хафиз Ширази яростно протестует против ханжеского соблюдения «сухого закона», видя в том чудовищное заблуждение перед Аллахом.

Dass manchen Becher Weines wir zwei geleert –
was tut's?!
Ist Wein doch Saft der Rebe, nicht eures
Blutes Saft! [3, № 311].

Хафиз никогда не высказывался в откровенно социал-революционном тоне, как случилось с другими персидскими поэтами. Например, Са-наи, предшественник Низами, обращается к некоему молодому человеку со словами:

Komm, Knab, ein Schelm und Becherfreund
in unsrer Kumpanei sei!
Ein Dieb und Wegelagerer
der frommen Klerisei sei!
Beschreit die Winkelpfade nicht
der Kappen und der Kutten;
Nein, wo du stehst und wo du gehst,
stets unverstellt und frei sei! [9, с. 70].

Поэт имеет здесь в виду тот социальный слой, в котором родилось персидское слово «rind» (корова) для обозначения плута. В исторических текстах «rind» означает не что иное, как оборванец, негодяй, мятежник, однако чудесным образом это слово не только приобрело в газелях позитивное значение, но и стало использоваться для обозначения некой космической мощи, к которой стремится в исламе мистический человек и к помощи которой он часто прибегает. У Руми читаем: Ich sah einen Schelm reitend auf dem Roß der Erde [6, Diwan. №775]. Эти космические измерения рождаются из любви ориентальных поэтов к преувеличениям – приему, которым они постоянно пользуются, сочиняя хвалебные оды своему покровителю. Но поэты не слуги

своих господ, они чувствуют себя духовно выше их. Когда поэт говорит о своём космическом влиянии, за этим скрывается истинное чувство, психологически переживаемая реальность поэта – мага и волшебника, а не просто, скажем, его фантазмагорически взвинченная фантазия.

Низами описал в одном из своих стихотворений акт поэтического вдохновения как результат достижения истинного магического могущества. Магический круг, куда входит поэт, образуется особым положением тела во время медитации: колени прижаты к груди, голова опущена к ногам.

Denn wenn das Herz er auf die Knie senkt,
um beide Welten seine Arme schränkt,
der Scheitel neigt zur Sohle sich zum Gruß,
und sich zum Ringe schließen Kopf und Fuß,
da wird, wie er zum Kreis geschmiegt verweilt,
die Seele ihm zerbrochen und geheilt [10].

Здесь говорится о «дозвоительной магии» поэзии. Другая сторона космического могущества и поистине внеземного происхождения поэта проявляется в его близости к пророкам. Низами воспел, чуть ли не реальную связь поэзии с пророчеством:

Die Rätseln Schleier webt, die Poesie,
Abglanz des Schleiers ist der Prophetie [5].

Хафиз тоже рассматривает такое положение вещей как само собой разумеющееся и обыгрывает его в своей лёгкой, грациозной, слегка фривольной и одновременно высокопоэтической манере. Так, к примеру, он объявляет о том, что ангелы у Божьего престола заучивают его, Хафиза, стихи наизусть, что его поэзия вращает планеты, и что даже Венера и неприступный для него Мессия вдохновляются ею на танец. Всё это поэт из Ширази выражает в гимне о поэтическом предназначении, в котором, на первый взгляд, речь идёт о предназначении не поэта, но пророка.

Jüngst in eines Morgens Dämmer
ward ich meines Grams entbunden,
Ließ man mir im nächt'gen Dunkel
helles Lebenswasser munden.
Ward vom Strahlenlichtgefunkel
Seines Seins mein Ich zunichte,
Ließ der Wein mir der Erscheinung
Seiner Herrlichkeit gesunden [2].

Поэт служит зеркалом для прекрасного, порой для невидимого, непостижимого, божественного. Это второй важный и многократно декларируемый в персидской поэзии мотив. Так, Низами пишет о самом себе:

Im Rede-Zauber bin ich so erfahren,
daß man mich nennt: 'Spiegel des Unsichtbaren' [5].

Это стихотворение показывает две ипостаси поэта, связь между его магическими и пророческими способностями. Несмотря на такое осознание своей поистине космической значимости, персидские поэты точно знали и свои границы: границы языка, который может выразить божественные тайны лишь отчасти.

Das Wort, das aus der Seele steigt, verschleiert die Seele [6, Diwan. №921].

Слово, которое поднимается из души, душу же и скрывает. Так начинается одна из газелей Руми. Хафиз тоже выразил похожую мысль:

Das Federrohr hat nicht die Zunge,
der Liebe Rätsel auszusprechen [3, №440].

Еще один аспект самосознания персидских поэтов – осознание бессмертной мощи их поэзии и ее воздействия на умы потомков. В конце одной из своих газелей Руми призывает:

Dichte Ghaselen, die noch nach hundert Säkulen
gesungen werden!
Ein Gewebe, das Gott gewebt hat, verrottet nicht
[6, Diwan. №916].

Хафиз выразил однажды надежду, что его могила станет местом паломничества всех «плутов мира». То, что Руми создавал свои произведения на века, мысль достаточно спорная, если учитывать факт хрупкости сегодняшнего мира, но это уже вопрос другого порядка. Главное же в пережившей века персидской поэзии – это заложенное в ней космическое, метафизическое, вневременное чувство жизни. Этот метафизический фон придаёт глубокий смысл даже самым простым событиям. Так, Руми выражает в своём стихотворении хвалу Создателю в форме незначительного повседневного переживания:

Morgens ging ich in den Garten,
eine Rose mir zu pflücken,
heimlich und in Furcht, der Gärtner
könnte mich dabei erblicken.
Doch es waren seine Worte
köstlich über mein Erwarten:
„Nicht die Rose nur allein, ich
Schenke dir den ganzen Garten!“ [6, №1217].

В задачи настоящей статьи не входило делать обзор всей персидской или тюркоязычной поэзии Востока. Мы здесь ограничены теми поэтами, которые входили в круг переводческих и исследовательских интересов Ф.Рюккерта и чьи эстетические взгляды представлены в доступных нам текстах его поэтических переводов.

Если подводить итоги проведенному обзору поэтически задекларированных взглядов персидских поэтов на свое творчество и свою поэтическую миссию, то вывод говорит о том, что велики поэты осознавали важность своей элитарной миссии. Поэт, на их взгляд, – маг и волшебник, близкий Аллаху (Хафиз). Поэзия – сродни пророчеству, это сотворение красоты и подражание творческой миссии Бога (Руми). Поэт – зеркало для прекрасного, поэты призваны творить красоту, как это входит и в миссию Аллаха. Любовь – движущая сила поэзии (Низами, Руми). Творцы поэзии служат любви, которая заставляет автора братья за перо и водит его пером (Саади, Хафиз). Поэзия – это возлюбленная певца (Низами), его невеста (Саади, Низами), порой невеста неверная и ветреная (Хафиз). Это и дочь (Саади), которую поэт воспитывает и растит как любящий отец. Поэты пишут об упоении любовью, о безумствах любви (Низами, Хафиз). Поэзия, любовь и вино пьянят с равной силой (Хафиз), противопоставляя свободных людей мистикам и религиозным аскетам. Поэт – учитель народа, он творит на века, открывает истину грядущим поколениям (Руми, Хафиз), но и он не всемогущ: у языка есть границы, не позволяющие поэту выразить всего, что у него на душе (Хафиз, Руми). «Соловьями у Божьего престола» назвал Ф.Рюккерт персидских поэтов в одном из своих стихотворений:

Es sind am Himmelsthronen Nachtigallen
die Dichter, niemand gleichen sie von allen.
Verzückte sind's von des Gedankens Flamme
und mit den Engeln wie von einem Stamme [4: 9-28].

Они певцы у Божьего престола,
Нет равных им по точности глагола.
Они ведут с Аллахом разговор,
Они для Бога – соловьиный хор.

“GREAT PERSIANS” AND THEIR POETIC MISSION IN THE MIRROR OF TRANSLATIONS BY F.RÜCKERT

© 2017 E.E.Sanyuk

Elena E. Sanyuk, Postgraduate student of the Chair of Russian, Foreign Literature and Methods of Teaching Literature.
E-mail: esanuk@yandex.ru

Samara State University of Social Sciences and Education. Samara, Russia

The article gives an idea of great Persian poets' attitude of 12–15 centuries to their creative work and to their own poetical mission in the form how their poetry is known in translations by the German romantic poet F.Rückert. The “Great Persians” praised love, life, poetry, wine, God's universe and felt proud and omnipotent in their creative work. The German romantic poet Friedrich Rückert (1788–1866) who stood at the origins of domestic orientalism went down in history of poetry and science of linguistics as the outstanding translator-persologist, the arabist and the indianist. His biography as a translator began (1817–1822) with Persian and with creative development of forms and genres of the Persian poetry. Without being limited to poetic transpositions from east poets, F.Rückert with success used the oriental genres mastered by him – a gazelle, rubais, kyta – that is also in the original lyrics. As the poet orientalist the poetry of seven great Persian classics gave him basis for poetic translations and initial popularity. Presenting to the German readers an originality of each of his favorite great Persians, Rückert sought to transfer to contemporaries an idea of singers of the far region of the earth and the remote past of the poetic role and a cultural and historical mission of the poet. “The world poetry is the world reconciliation”, – considered Rückert, and the purpose of this publication – to reveal from the translated poetry by him what makes the general for poetry of any people and all eras considered and what, perhaps, makes specifics of work only of the Persian region poets.

Key words: poetry, gazelle, mission, oriental, relation, attitude, creative work, Rückert, Ferdousi, Nizami, Saady, Rumi, Chafez.

1. *Asiatische Studien* 33, 1979, S.65–98.
2. Gedichte aus dem Diwan / Hrsg. von J.C.Bürgel. Reclam Universal-Bibliothek Nr. 9420), 2. Aufl. Stuttgart 1977, Nr. 54.
3. Mohammad Schemsed-Din Hafis Hafis. Der Diwan: Eine Auswahl der schönsten Gedichte (Klassiker der Weltliteratur). Marix Verlag, Wiesbaden, 2013. 256 S.
4. Islamwissenschaftliche Abhandlungen / Hrsg. von R.Gramlich, Wiesbaden, 1974. S. 9–28.
5. Nizami, Chosrou und Schirin. Manesse Verlag, München, 2010. S.7.
6. Nizami. Leila und Madschnun. Manesse Verlag, München, 1963. S. 40, Zeile 11.
7. Dschelaladdin Rumi. Aus dem Diwan. Reclam, Stuttgart, 1986. Ghasel Nr. 940, Nr. 2, 14.
8. Sana'i. Diwan. Reclam, Stuttgart, 1986. Ghasel Nr. 145, 1–2. Schimmel A. Orientalische Dichtung in der Übersetzung Friedrich Rückerts (Sammlung Diederich. Band 286). Bremen, 1963. S. 129.
9. Übernahme aus der von J.Ch. Bürgel übersetzten Anthologie persischer Dichtung in R.Beny. Persien, Luzern, 1975. S. 26.
10. Übernahme aus „Nizami über Sprache und Dichtung“. *Anthologie persischer Dichtung in R.Beny. Persien, Luzern, 1975. S. 26.*